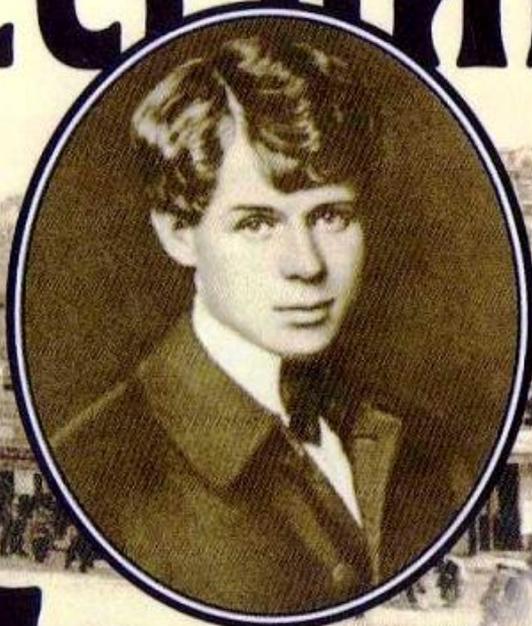

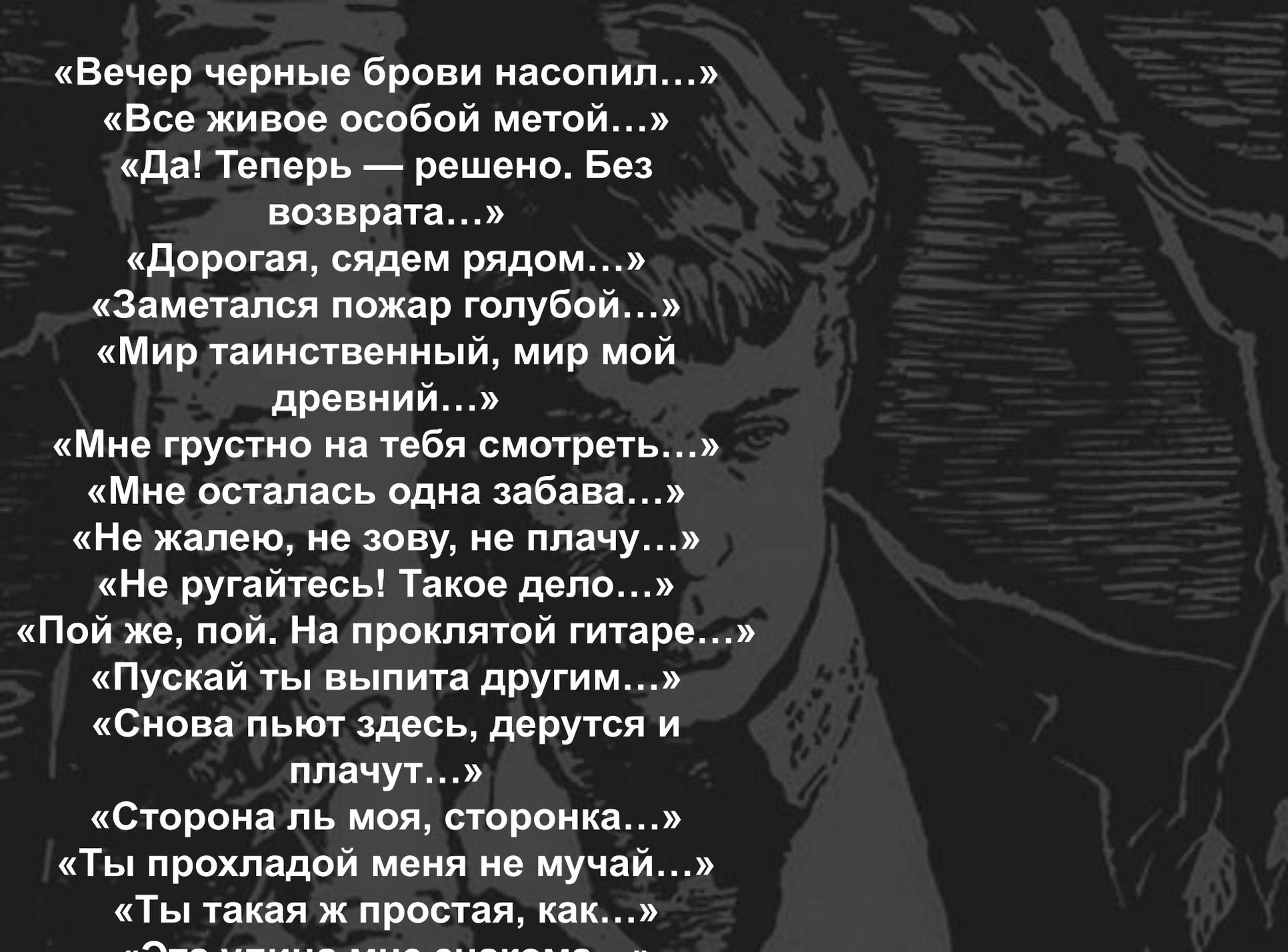
СЕРГЕЙ

ЕСЕНИН

МОСКВА

КАБАЦКАЯ

«Вечер черные брови насопил...»

«Все живое особой метой...»

«Да! Теперь — решено. Без
возврата...»

«Дорогая, сядем рядом...»

«Заметался пожар голубой...»

«Мир таинственный, мир мой
древний...»

«Мне грустно на тебя смотреть...»

«Мне осталась одна забава...»

«Не жалею, не зову, не плачу...»

«Не ругайтесь! Такое дело...»

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»

«Пускай ты выпита другим...»

«Снова пьют здесь, дерутся и
плачут...»

«Сторона ль моя, сторонка...»

«Ты прохладой меня не мучай...»

«Ты такая ж простая, как...»

«Этот утино мне знаком...»

Вечер черные брови
насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость
пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая
тройка!
Наша жизнь пронеслась без
следа.
Может, завтра больничная
койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-
другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и

192
3

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик
милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить
другую,
Но и с нею, с любимой, с
другой,
Расскажу про тебя,
дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не
была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Все живое особой метой
Отмечается с ранней порой,
Если не был бы я милой,
То, наверно, был милой шик
и вор.

Худощавый и
низкорослый,
Средь мальчишек всегда
герой,
Часто, часто с разбитым
носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной
маме
Я цедил сквозь кровавый
рот:
«Ничего! Я споткнулся о
камень,
Это к завтраму все

Зелотая, словесная груда,
Каждой строкой без

Отрывается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и
гордый,
Только новью мой брызжет
шаг.
Если раньше мне били в
морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий
сброд
«Ничего! я споткнулся о
камень,
Это к завтраму все
заживет!»

Да! Теперь — решено. Без
возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою
крылатой

Надо мною звенеть топол

Низкий дом без меня
ссутулится,

Старый пес мой давно из

На московских изогнутых
улицах

Умереть, знать, судил мне
бог.

Я люблю этот город

вязевый,

Пусть обрюзг он и пусть
одрях.

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах.

Шум и гам в этом логове
жутком,

Но всю ночь напролет, до
зари,

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и
чаще,

И уж я говорю невпопад:

«Я такой же, как вы,
пропащий,

Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня
ссутулится,

Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых
улицах

Умереть, знать, судил мне бог

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг
другу.

Я хочу под кротким
взглядом
Слушать чувственную
вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых
—

Все явилось, как
спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край
оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой
славе

Я хотел прожить
пропащим.

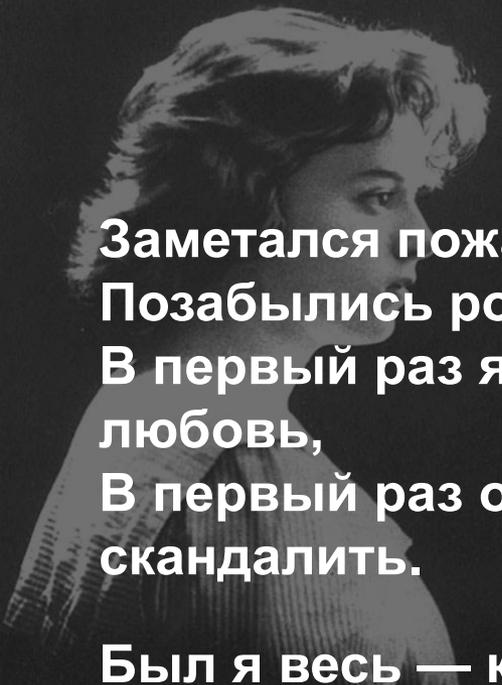

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в
гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют
живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про
любовь,
В первый раз отрекаюсь
скандалить.

Был я весь — как
запущенный сад,
Был на женщин и зелие
падкий.

Разонравилось пить и
плясать
И терять свою жизнь без
оглядки.

Мне бы только смотреть на ³
тебя,
Видеть глаз злато-карий
омут,

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем
упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие
дали...

В первый раз я запел про
любовь,
В первый раз отрекаюсь
скандалить.

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как пададь и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой
любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты — я, отвсяду гонимый,
Средь железных врагов
прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный
прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за
гибель

Пропоют мне на том берегу.

Мне грустно на тебя
смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой
осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного
омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне
открылась.

Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для
улыбок.

Так мало пройдено
дорог,
Так много сделано
ошибок.

Смешная жизнь,
смешной разлад.
Так было и так будет
после.

Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные
кости.

Вот так же отцветем и
мы

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верю,
Горько мне, что не верю тебе.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мрежа,
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и каркать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не
сбылись

Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе
гнездились —

Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской
рубашке
Под иконами умирать.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь
дым.

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь
биться,

Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств

Я теперь скупее стал в
желаньях,
Жизнь моя? иль ты
приснилась мне?
Словно я весенней гулкой
ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире
тленны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...
Будь же ты вовек
благословенно,
Что пришло процветать и
умереть.

Не ругайтесь! Там бедело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к
городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе
бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях
забулдыге
Ветер больше поет, чем
кому.

Привыкну я редькой и луком
И в сумою вечера вечернюю гладь,
Буду проломко сморкаться в
ружье
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей
удачи,
Лишь забыться и слушать
пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

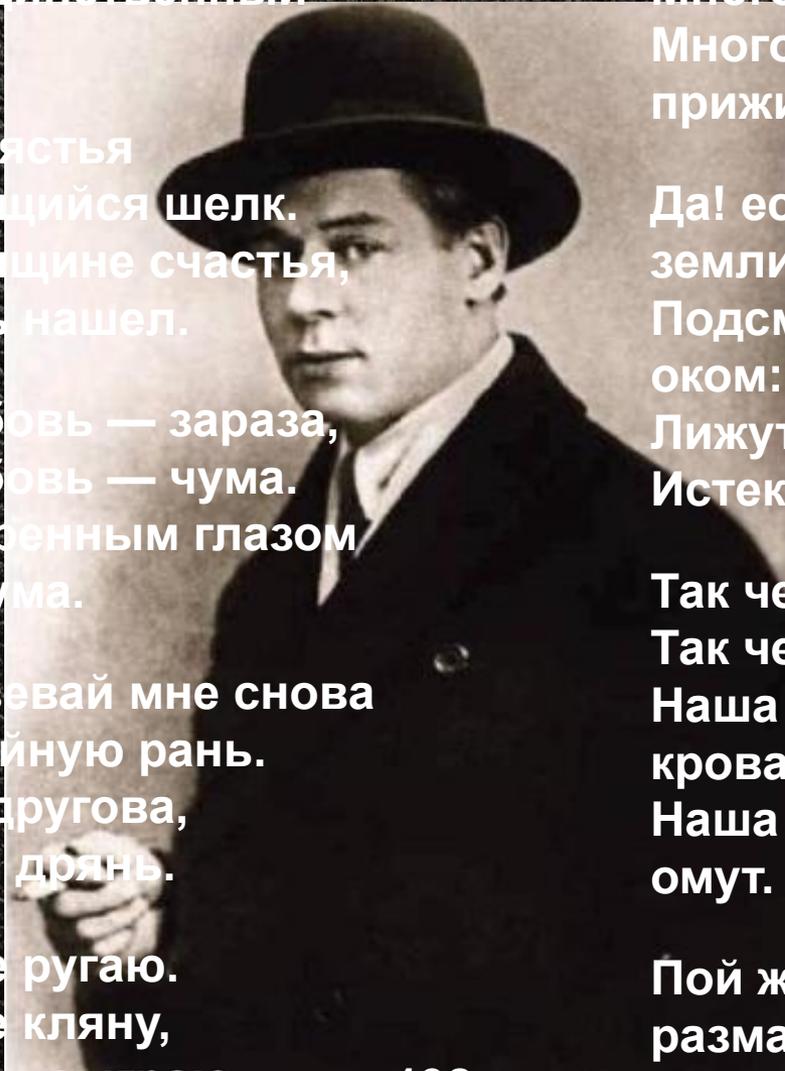
Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Наведай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляню,
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый
купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах
прижимал.

Да! есть горькая правда
земли,
Подсмотрел я ребяческим
оком:

Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да
кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в
омут.

Пой же, пой! В роковом
размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошпи их на

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне
осталось
Твоих волос стеклянный
дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться
вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос
чванства

Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с
хулиганством.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой
ивы,
Чтоб я готов был и
встречал
Его приход
неприхотливый.

Теперь со многим я
мирюсь
Без принужденья, без
утраты.

Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и
хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли,
где-то ль,

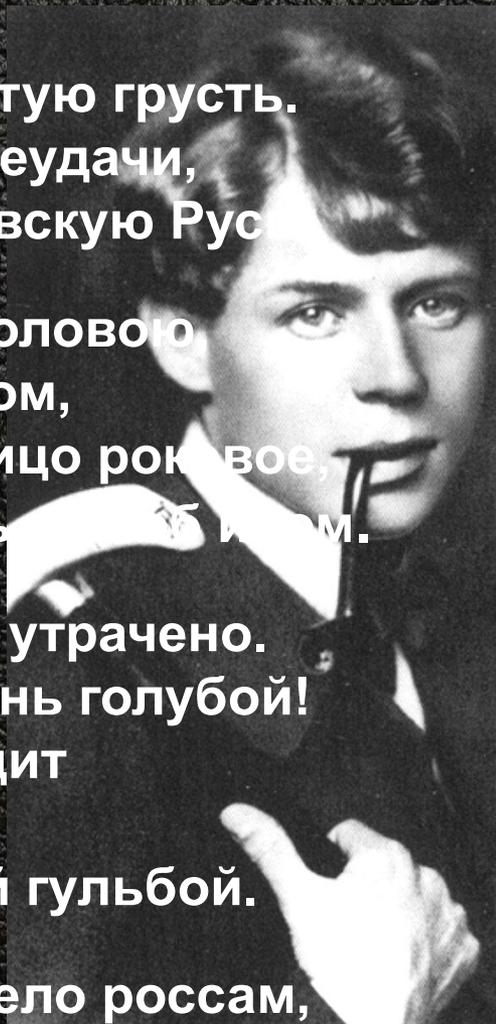
Снова пьют здесь, дерутся и
плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь

И я сам, опустясь головою
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть об одном.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит
мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся
носом

Индра Вадлу дест и дест Царя

Что-то злое во взорах
безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых,
юных,
Что сгубили свою жизнь
сгоряча.

Где ж вы те, что ушли
далече?
Ярко ль светят вам наши
лучи?
Гармонист спиртом сифилис
лечит,
Что в киргизских степях
получил.

Нет! таких не подмять, не
рассеять.
Бесшабашность им гнилью
дана.

Сторона ль моя,
сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да
посолонка,
Да заречная коса...

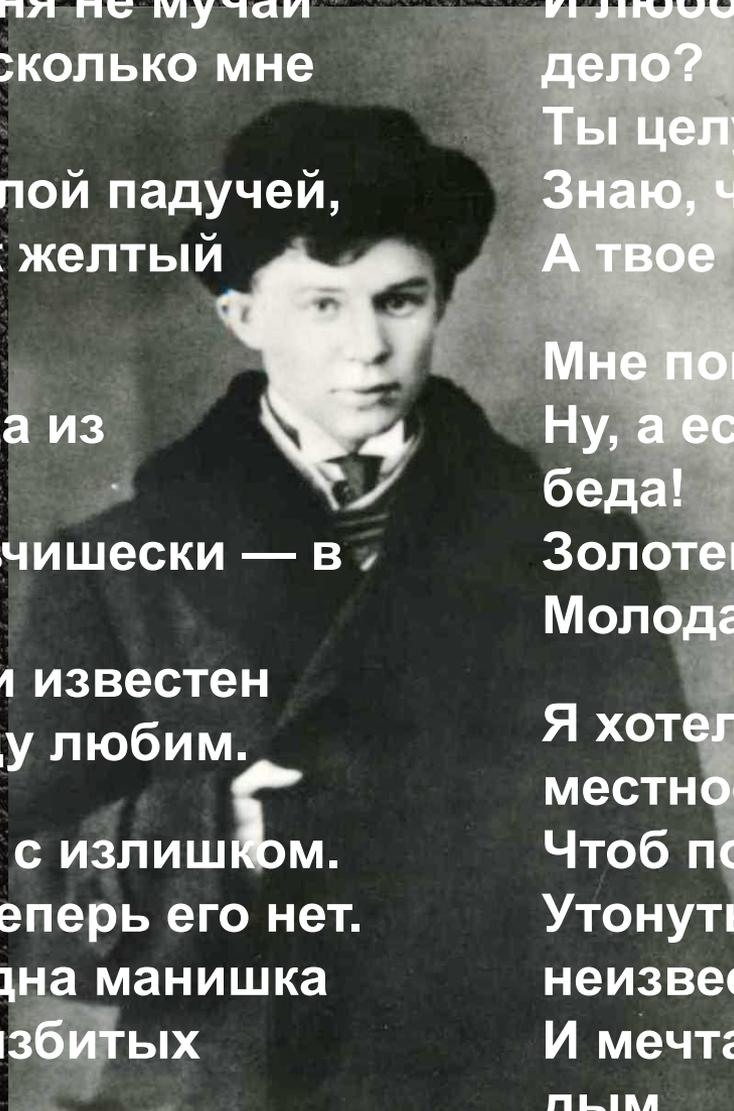
Чахнет старая
церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных
мест.

По тебе ль, моей
сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется
пот.

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне
лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый
скелет.

Было время, когда из
предместья
Я мечтал по-мальчишески — в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых
штиблет.

И любовь, не забавное ль
дело?
Ты целуешь, а губы как жемчуг.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не
беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту
местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в
неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в
дым.

И известность моя не хуже,— 192
3

Но мечтать о другом, о новом,

Ты такая ж простая, как
все,
Как сто тысяч других в
России.
Знаешь ты одинокий
рассвет,
Знаешь холод осени
синий.

По-смешному я сердцем
влип,
Я по-глупому мысли
занял.
Твой иконный и строгий
лик
По часовням висел в
рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в
повесе,

Я не нищий, ни жалок, ни
мал
И умею расслышать за
пылом:
С детства нравиться я
понимал
Кобелям да степным
кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для
этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.
Потому и грущу, осев,
Словно в листья в глаза
косые...

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в
России

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень
зычный,
Как о том-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюду
кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние
страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там
путь.
Только ближе к родимому
краю
Мне б хотелось теперь
вернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — полевая солома,

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце
мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил ни ком,
Не расстреливал несчастных по
темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляк
По всему тверскому околотку,
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя
лечит.

Я хожу в цилиндре не для
женщин —
В глупой страсти сердце жить
не в силе,—
В нем удобней, грусть свою
уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не
имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший
галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце
мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я
скандалистом.

ЕСЕНИН
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
1895 - 1925